

На правах рукописи

Урбанович Василий Михайлович

**Отечественная историография русско-японской войны
1904-1905 гг. как форма культурной памяти: стратегии
детравматизации национальной идентичности**

*Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(исторические науки)*

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

- 1 МАР 2012

Москва 2012

Работа выполнена на кафедре теории и прагматики культуры НОУ ВПО
«Гуманитарно-социальный институт».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Логинова Людмила Федоровна

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Кошелева Анна Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент
Васильев Алексей Григорьевич

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Защита состоится «5» марта 2012 года в 17.00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.154.14 при Московском педагогическом
государственном университете по адресу 119571, г. Москва, проспект
Вернадского, д.88, ауд. 826а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 119991,
г. Москва, ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан «23» февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.И. Горяинова

Актуальность темы исследования определяется как внеаучными, так и внутринаучными моментами. Первые связаны с тем, что современная Россия на протяжении последних двух десятилетий переживает второй на протяжении столетия период формирования новой национально-культурной идентичности после радикально-травматичных разрывов с прошлым. 1917 и 1991 годов. Эти даты обозначили решительные «перерывы постепенности» течения российской истории, полный отказ «проклятого прошлого» и устремленность к новому миру «светлого будущего».

Революционные события неизбежно вызывали кризис коллективной идентичности. Идентичность, ощущение собственной самостождественности, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне имеет нарративную природу. В ее основе - повествование о моем (нашем) прошлом, ведущем к настоящему и будущему, которые также должны оставаться моими (нашими) настоящим и будущим. Главная задача нарратива идентичности заключается в том, чтобы лицо (или группа) могли узнать себя на каждом историческом этапе. Поэтому совершенно очевидно, что революционные периоды обрывают связь с прошлым и ставят под сомнение идентичность.

Создать идентичность заново, «с чистого листа» практически невозможно. Приходится восстанавливать связь со своим, недавно отвергнутым прошлым. Однако и просто вернуться к прежней картине своей истории также нельзя. Мемориальный нарратив идентичности должен быть реструктурирован так, чтобы событие-разрыв стало органической частью истории, прошлое должно быть перестроено в перспективе произошедших перемен.

Эту закономерность показала в свое время еще опыт Французской революции, которая попыталась создать новую нацию, история которой начиналась с «Первого дня Первого года», но быстро, уже при Наполеоне, пришла к восстановлению преемственности с «исторической Францией». При этом страна, которая только что «отменила» историю, в первой трети XIX века подарила миру величайшую историческую науку. Которая по-

новому, с учетом произошедших революционных событий, рассказала историю страны.

Различие ситуации 1917 и 1991 годов для России заключается в том, что в первом случае коллективную идентичность нужно было восстановить и сконструировать после события, рассматривавшегося как величайший триумф страны, открывший человечеству дорогу к счастью. В отличие от этой ситуации, сегодня мемориальный нарратив должен вписать в себя травматический опыт распада страны и крушения великой державы. Причем в этом нарративе практически прямым аналогом русско-японской войне в качестве неожиданно неудачного военного предприятия, ставшего катализатором катастрофических для Империи событий, выступает афганская война Советского Союза.

Именно в этом смысле опыт переживания в рамках российского национального самосознания неудачной войны 1904-1905 годов может быть особенно интересен и поучителен. Тогда Империя потерпела неожиданное и ошеломляющее поражение, заставившее поставить под вопрос самоощущение Россией себя в статусе великой державой. Эта война открыла путь обеим российским революциям, советскому периоду отечественной истории и последующим событиям рубежа 1980-1990-х годов.

Носители национальной культурной памяти неисчислимы. Помимо историографии к их числу принадлежат памятники, музеи, государственные праздники и ритуалы, произведения литературы, национально значимые мемориальные ландшафты и многое другое. Однако для России (также как, например, для Франции или Польши) историческая наука (наряду с литературой) всегда играла ключевую роль в качестве хранителя национальной идентичности и основного источника патриотического воображения.

Говоря о внутринаучных аспектах актуальности избранной темы следует отметить, что одной из наиболее актуальных общих проблем исторического и культурологического знания является вопрос о соотношении

историографии и культурной (социальной) памяти¹. Классическая историография в этом отношении предпочитает придерживаться твердых позитивистских позиций, противопоставляя историческую науку и память. Если история призвана быть объективной и беспристрастной картиной такого прошлого, которое было «на самом деле», то память, напротив, оказывается субъективно-селективным инструментом обработки прошлого в определенных групповых и личных интересах. Подчеркивается обычно профессиональный характер исторического знания, его институционализация, программное стремление исторической науки к истине, объективности, способность взглянуть на прошлое с разных сторон и т.д.

В то же время в перспективе *memory studies* («парадигмы памяти»), новой и активно развивающейся отрасли культурологии, историописание рассматривается скорее как форма культурной (социальной) памяти. Отмечается, что историографию невозможно точно отделить от культурной памяти, так ей также присущи контекстуальность, избирательность, пристрастность и подвижность.

¹ Для обозначения коллективного измерения памяти в последнее время было предложено большое количество терминов - «коллективная память», «социальная память», «культурная память» и др. Понятия коллективной и социально памяти чаще всего используются как синонимы.

Нам представляется, что концепты социальной и культурной памяти следует не противопоставлять, а рассматривать как взаимодополнительные, описывающие разные, но неотделимые друг от друга грани коллективного (внеиндивидуального) измерения памяти.

Когда о памяти говорят в социальном аспекте, обычно подчеркивают те моменты, которые связаны с ее ролью в поддержании социальной статики и осуществлении социальной динамики, регулировании процессов социализации и статусно-ролевых отношений в обществе, укреплении социальной интеграции и солидарности. Социальная память содержит нормы и образцы социального поведения.

Что касается культурной памяти, то в этом понятии фиксируется то факт, что данные нормы и образцы представляют для социальной общности значительную ценность. Они являются носителями важных значений и смыслов и в силу этого подлежат устойчивой фиксации при помощи специальных культурных форм и носителей, а также становятся объектом регулярного припоминания и воскрешения в рамках специально организованных практик ритуального характера. Это - внеиндивидуальная память, взятая в аспекте ее культурной объективации и повторяемости.

В связи с этим возник и новый, историко-культурологический, подход к изучению истории исторической науки, пришедший на смену традиционной историографии как имманентного процесса развития мысли из самой себя вне культурного контекста. Эта культурологическая "история истории" рассматривает те трансформации, которые совершались в сфере культурной (социальной памяти) с историческим событием или лицом. При этом эти трансформации значимых сюжетов из прошлого показывают не только (и не столько) состояние исторической науки определенного времени, сколько состояние и трансформации той культуры, органом самосознания которой данная историография являлась. Одновременно и созданные историками образы становились значимыми факторами современной культурной жизни и влияли на коллективное самовосприятие народа.

Именно к такого рода историко-культурологическим исследованиям и принадлежит настоящая работа, посвященная отечественной историографии русско-японской войны, взятой в аспекте «мемориальной парадигмы» современной культурологии.

Объект исследования – отечественная (российская досоветская, советская и постсоветская) историография русско-японской войны 1904-1905 годов.

Предмет исследования – отечественная историография русско-японской войны рассматривается в работе в качестве формы культурной памяти, в рамках которой осуществлялся процесс детравматизации национальной идентичности, то есть проводилась та или иная «политика памяти».

Гипотеза исследования может быть сформулирована так: в развитии отечественного историографического дискурса о русско-японской войне при помощи подходов и категориального аппарата *memory studies*, может быть выявлена определенная последовательность смены стратегий детравматизации национальной идентичности, движущей силой которой является взаимодействие внутренних закономерностей функционирования

культурной (социальной) памяти с окружающим политико-идеологическим контекстом.

Доказательство этой гипотезы определяет цель и задачи диссертационного исследования.

Основная цель исследования состоит в комплексном анализе отечественной историографии русско-японской войны как формы культурной памяти российского общества.

Поскольку данная война закончилась поражением и за ней последовала революция, положившая начало глубокому перелому в жизни страны, то формы историографической мемориализации событий 1904-1905 годов следует рассматривать в перспективе их воздействия на российскую идентичность путем детравматизации данного негативного опыта. Такая постановка проблемы определяет и конкретные задачи исследования, к числу которых следует отнести следующие:

- анализ современного состояния memory studies и теоретико-методологических установок данного междисциплинарного направления культурологического анализа;
- выявление эвристического потенциала memory studies для изучения истории исторической науки;
- показ роли и значения исторической науки как мемориальной практики для формирования и поддержания национальной идентичности;
- концептуализация травмы как социально-культурного феномена и показ роли травматического опыта в структуре культурной (социальной) памяти;
- рассмотрение стратегии детравматизации опыта русско-японской войны в российской историографии дореволюционного периода;
- анализ различных вариантов «политики памяти» в отношении русско-японской войны в историографии советского периода;
- выявление основных тенденций постсоветской историографии русско-японской войны в свете «мемориальной парадигмы».

Хронологические рамки исследования охватывают около столетия. Это - период, начинающийся с 1904-1905 годов, когда уже в ходе русско-японской войны появились первые аналитические работы, посвященные русско-японским отношениям и русско-японскому конфликту в историческом контексте, и заканчивающийся практически современным периодом.

Источниковую базу диссертации составляют работы военных и гражданских российских и советских историков, охватывающих различные аспекты русско-японской войны 1904-1905 годов, ход боевых действий, отдельные военные операции, ход войны на локальных театрах боевых действий, внутри- и внешнеполитические аспекты военных событий, влияние ее итогов на последующую историю страны и др. Всего нами было привлечено около 200 источников, многие из которых представляют собой старые малотиражные и малодоступные работы, вновь вводимые в научный оборот в настоящем диссертационном исследовании. Около десяти источников представляют собой архивные источники, впервые вводимые в научный оборот.

Использованные источники позволяют создать репрезентативную картину историографического процесса по интересующей нас проблеме, решить поставленную задачу, достичь поставленных целей и обеспечить достоверность выводов диссертации.

Положения, выносимые на защиту:

- историография может рассматриваться не только с внутринаучной точки зрения в контексте развития исторической науки, но и в более широком общественном контексте как форма культурной памяти социума;
- понимание историографии как формы культурной памяти и применение к ее изучению подходов memory studies позволяет раскрыть механизмы взаимного влияния историографических концепций на коллективную идентичность и обратное влияние сложившихся идентичностей на историографический процесс;

- концепты культурной памяти и культурной травмы, а также связанные с ними теоретические подходы позволяют раскрыть механизмы переработки опыта национального поражения в историографии русско-японской войны 1904-1905 гг.;

- историографические модели осмысления русско-японской войны в целом укладываются в типологию «контрапрезентной»-«обосновывающей» культурной памяти Я.Ассмана, а их актуализация связана с текущими потребностями общественного сознания, идеологическими установками и политическим заказом;

- сформировавшиеся образы культурной памяти и связанные с ними модели национальной идентичности обладают определенной степенью устойчивости и сопротивляемости по отношению к произвольным политическим манипуляциям;

- изучение истории исторической науки с позиций «парадигмы памяти» позволяет создать пространство плодотворного диалога между историей и культурологией.

Теоретико-методологические основания исследования включают в себя основополагающие положения изучения памяти (memory studies) как междисциплинарного направления историко-культурологического анализа.

Принципиально важным для данного исследования был тезис французского социолога, основоположника memory studies, М.Хальбвакса о связи между социальной группой и коллективной памятью, о том, что каждая группа формирует память о своём собственном прошлом, которая обосновывает её идентичность.

В качестве фундаментальных методологических принципов исследования выступали положения, основанные на подходах М.Хальбвакса и структурирующие сегодня проблемное поле «collective memory studies» (в формулировке Б.Зелицер). К их числу относятся следующие характеристики коллективной (культурной, социальной) памяти: процессуальность и изменчивость, периодически возникающая нелинейность в динамике

развития, ангажированность, связь с интересами тех или иных социальных групп и инструментальное использование памяти для достижения определенных выгод и преимуществ, селективность, социальная распределенность и потенциальная конфликтность.

Диссертационное исследование основывается также на концепции культурной памяти немецкого историка и культуролога Я.Ассмана, в рамках которой культурная память определяется как специфическая для каждой культуры форма передачи и осовременивания культурных смыслов.

Основополагающим было для нас предложенное им деление культурной памяти на динамическую "горячую" и стабилизирующую "холодную", а «горячей» опции - на «обосновывающую» и «контрапрезентную».

Диссертационное исследование находится в русле проекта "истории памяти", предложенного Я.Ассманом и предполагающего изучение динамики воспоминаний, процессов непрерывной реконструкции прошлого.

Также мы исходили из положения о нарративном характере идентичности П.Рикера и тезисов «когнитивной социологии памяти» Э.Зерубавеля, утверждающей что память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различным образом упорядоченные нарративы, которые придают одному и тому же событию разное значение, в зависимости от той сюжетной структуры, в которую оно оказалось включено.

Трактовка историографии как форма культурной памяти в настоящей диссертации основывается на положениях английского историка культуры П.Бёрка, отмечающего тот факт, что историки разных мест и времён сохраняют в качестве достойных памяти разные аспекты прошлых событий и изображают их по-разному, в соответствии с господствующей в их группе «оптикой», американского исследователя П.Хаттона, выдвигающего тезис о том, что историческая наука – особая официально признанная форма коллективной памяти, а также на тезисе польского социолога Б.Шацкой о подвижности и текучести границы между историей и памятью.

Анализ процессов детравматизации культурной памяти в данной диссертации основывается на социокультурном понимании сущности травмы, предложенном в работах американского социолога Дж.Александера и польского социолога П.Штомки. Травма здесь понимается как «социально посредованная атрибуция» (Дж.Александр). Потенциально травматичные события, в соответствии с этим подходом, превращаются в реальную культурную травму не сами собой, а только в том случае, если они интерпретируются и воспринимаются соответствующим образом. Травма и детравматизация предстают, таким образом, как социокультурные конструкты.

Важным методологическим основанием проведенного нами анализа стала также концепция немецкого социолога и историка Б. Гизена о том, что травма и триумф конституируют «мифомотор» национальной идентичности, а также разработанные им идеально-типические модели "героя-победителя" и "трагического героя", составляющие архетипическую основу коллективных (и в особенности - национальных) идентичностей.

Данные теоретико-методологические принципы позволяют, по нашему мнению, наиболее успешно достичь цели работы, связанной с историко-культурологическим анализом историографии неудачной для России войны. В работе широко используются общенаучные и собственно культурологические методы и принципы исследования, к числу которых относятся: историко-генетический, историко-типологический, компаративистский, аксиологический и структурно-семиотический.

Степень разработанности проблемы

Историография русско-японской войны практически не становилась объектом специальных исследований в рамках истории исторической науки. Конечно, каждая работа, посвященная тем или иным аспектам событий на Дальнем Востоке в начале XX века, предваряется более или менее подробным историографическим очерком. Однако такие обзоры не носят системного характера, а прослеживают только изучение интересующего

автора работы аспекта войны. Практически единственным исключением является статья историка Д. Б. Павлова в журнале «Отечественная история»², в которой автор проследил основные этапы и особенности развития историографии и археографии русско-японской войны.

Культурологические исследования этой темы не предпринимались вовсе. Более того, можно сказать, что русско-японская война вообще мало привлекала внимание культурологов. Здесь преобладает либо позитивистский анализ военно-дипломатических аспектов событий, опирающийся на архивные источники, либо сочинения политико-публицистического плана, сосредоточенные на поисках виновников поражения. Исключением является книга известного современного канадского историка Дэвида Схиммельпенника Ван дер Ойе³, посвященная анализу интеллектуальной мотивации и сфере воображения ключевых действующих лиц этих событий. Однако, историография русско-японской войны не является основным объектом его анализа.

На протяжении последних двух десятилетий понятие *травмы* все чаще используется социологами, историками и культурологами. Заинтересованность исследованиями травмы в постмодернистской теории стала результатом характерного для нее стремления применить психоаналитические подходы и понятийный инструментарий к области *cultural studies*. Дискурс травмы становится все более популярным среди представителей наук о культуре и обществе⁴.

² Павлов Д. Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904-1905 гг.: основные периоды, идеи и направления. // Отечественная история. 2005. № 3.

³ Схиммельпенника Ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.

⁴ Адорно Т. Что означает «проработка прошлого»? // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габолич. М.: Новое литературное обозрение, 2005; Рюзен Й. Кризис. травма и идентичность // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 1995; Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. - Вып.10. - М., 2003; Травма: пункты/ под ред. С.Ушакина, Е.Трубиной. – М.: Новое литературное обозрение, 2009; Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative,

Подобно тому, как на уровне индивидуальной психологии рассмотрение травмы неотделимо от проблематики памяти и самоидентичности, в социально-культурном контексте введение концепта культурной травмы оказалось взаимосвязано с проблематикой коллективной (социальной, культурной) памяти и коллективной идентичности. Как на индивидуальном, так и на коллективном уровне травматическое воздействие влияет на память и приводит к кризису идентичности — самому общему и универсальному проявлению травм разного вида. Поэтому вместе с понятием травмы в арсенал социально-гуманитарного знания вошло и понятие «проработки» травматического опыта, детравматизации на групповом и национальном уровне.

Концепт травмы оказался востребованным для анализа того воздействия, которое оказывает на индивида окружающая социально-культурная среда, находящаяся в состоянии постоянных, быстрых, радикальных, внезапных, непредсказуемых и все ускоряющихся перемен. В этой парадигме рассматриваются такие события, как революции и радикальные реформы, экономические кризисы, случаи массовых депортаций, геноцида и этнических чисток, терроризм, убийства и свержение политических лидеров,

and History. Baltimore, 1996; *Cultural Trauma and Collective Identity* / Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B. et al. Berkeley, 2004; Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and The Formation of African American Identity*. N.Y.: Cambridge UP, 2001; Giesen B. *National Identity as Trauma: The German Case // Myth and Memory in the Constructuon of Community* / B. Stråth (Ed.). Bruxelles et al.: P.I.E.; Peter Lang, 2000; Giesen B. *Triumph and Trauma*. L.: Boulder, 2004; Kansteiner W. *Genealogy of a Category Mistake: A Critical Intellectual History of the Cultural Trauma Metaphor // Rethinking History*. V. 8 (2). 2004; Kansteiner W., Weilnböck H. *Against the Concept of Cultural Trauma // Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook* / A. Erll, A. Nünning (Eds.). Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2008; La Capra D. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: Johns Hopkins UP, 2001; Leys R. *Trauma: A Genealogy*. Baltimore: Johns Hopkins UP, 2000; *Memory, Trauma, and World Politics: Reflactions on the Relationship between Past and Present* / D. Bell (Ed.). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006; Neal A.G. *National Traumas and Collective Memory: Major Events in the American Century*. N.Y.: Sharpe, 1998; Roth M.S. *The Ironist's Cage. Memory, Trauma, and the Construction of History*. N.Y.: Columbia UP, 1995; Sztompka P. *Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // European Journal of Social Theory*. 2000. V. 3 (4); *Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory* / P. Antze, M. Lambek (Eds.). L.: Routledge, 1996; *Trauma: Explorations in Memory* / C. Caruth (Ed.). Baltimore: Johns Hopkins UP, 1996.

открытие закрытой некогда информации секретных архивов, ревизии героической версии национальной истории, распад государства и что для нас особенно важно – военные поражения т.д. Все эти довольно разнородные явления общественной жизни «парадигма травмы» позволяет поставить во взаимосвязь и комплексно рассматривать под новым углом зрения.

Наиболее полный культурологический анализ типов реакций общества на военные поражения представлен в современной литературе в книге В.Шивельбуша (W.Schivelbusch)⁵. Свои положения он иллюстрирует материалом из истории Юга Соединенных Штатов после Гражданской войны, Франции, потерпевшей поражение во франко-прусской войне и Германии после поражения в Первой мировой войне.

Количество исследований, посвященных различным аспектам культурной (*социальной, коллективной*) памяти, на сегодняшний день чрезвычайно велико. Для нашего исследования нам были особенно важны положения работ М.Хальбвакса, Ю.М.Лотмана, Дж.Фентресса и К.Викхама, Я.Ассмана, П.Нора, Э.Зерубавеля⁶.

Историография как форма культурной памяти в последнее время привлекает к себе все большее внимание. Основным предметом дискуссии является необходимость и возможность дистанцированности истории и культурной памяти, степень правомерности трактовки историографии как формы культурной памяти общества. В этой связи для нашего исследования

⁵ Schivelbusch W. The Culture of Defeat. On National Trauma, Mourning, and Recovery. New York. Picador, 2004.

⁶ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007; Halbwachs M. On collective memory. Chicago-London The Univ. of Chicago Press, 1992; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров//Лотман Ю.М. Семиосфера. - СПб., 2000; Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении//Там же; Лотман Ю.М. Память культуры//Там же; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М., 2004; Fentress J., Wickham C. Social memory. Oxford, 1992; Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти//Франция- память. Антология. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999; Нора П. Всемирное торжество памяти//Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005; Zerubavel E. Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago, 2003.

наиболее важными были положения работ Ж. Ле Гоффа, П.Бёрка⁷, П.Хаттона, Л.П.Репиной. Возникла и новая культурологическая по своей сути форма историографии - "история истории", рассматривающая те трансформации, которые совершались в сфере социальной памяти с историческим событием или лицом. В качестве наиболее интересных примеров работ такого рода можно назвать исследования Р.Фольца (R.Folz), Ж.Тюляра (J.Tulard), Ж.Дюби (G.Duby), Ф.Жутара (Ph. Joutard), Ф.Б.Шенка (F.B.Schenk)⁸.

Специализации анализу историографического процесса как фактора детравматизации национальной памяти после гибели страны посвящены работы А.Г.Васильева о польской исторической науке XIX- начала XX вв.⁹

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной исторической и культурологической литературе отсутствует комплексное исследование историографии русско-японской войны 1904-1905 гг., рассмотренной в качестве формы культурной памяти российского общества в контексте проблематики детравматизации национальной идентичности.

⁷Le Goff J. Histoire et mémoire. P.: Gallimard, 1988; Burke P. History as social memory//Memory. History and the Mind/Butler T. (ed.). Oxford, 1989; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль 2004; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI веков. М.:Кругъ, 2011.

⁸ Folz R. Le souvenir et la légende de Charlemagne dans l'Empire germanique médiéval. P.: Les Belles Lettres. 1950; Joutard P. La légende des Camisards: une sensibilité au passé. P.: Gallimard, 1970; Tulard J. Le mythe de Napoléon. P.: Colin, 1971; Duby G. Le dimanche de Bouvines, 27 juillet 1214. P.: Gallimard, 1973; Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М.: «Ладомир», 2001; Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007.

⁹Васильев А.Г. Историография как форма культурной памяти и практика детравматизации национальной идентичности (теоретические основания анализа)//Вопросы культурологии. 2010. № 7; Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века//Образы времени и исторические представления: Россия-Восток-Запад/Под ред. Л.П.Репиной. М.: Кругъ, 2010. – С. 813-843.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Впервые в исторической и культурологической литературе историография русско-японской войны проанализирована как форма культурной памяти российского общества;

2. Показана специфика историографической интерпретации русско-японской войны в отечественной историографии в связи с социокультурными характеристиками той или иной эпохи отечественной истории;

3. Выявлены характерные для разных периодов историографического анализа событий русско-японской войны стратегии детравматизации национальной идентичности;

4. Обосновано положение об устойчивости мемориальных стратегий детравматизации и возможность их использования в разных идеологических контекстах и при различных политических режимах;

5. На основе анализа современных достижений мировой исторической, культурологической и социологической мысли предложен новый историко-культурологический подход к изучению отечественной историографии, проанализированы теоретико-методологические основания данного подхода.

Теоретическое значение диссертации определяется тем, что это первое исследование историографии русско-японской войны 1904-1905 гг. как формы культурной памяти. Впервые в отечественной исторической и культурологической литературе подходы *memory studies* были применены к данному материалу. Положения и выводы исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблем истории исторической науки в контексте исследовательской программы исторической культурологии по изучению функционирования «образов-воспоминаний» в социально-культурном пространстве.

Практическая значимость диссертации. К числу областей конкретного применения результатов исследования могут быть отнесены такие отрасли научного знания, как: отечественная история XX века, теория исторической науки, методология и методы исторической науки, история исторической науки, теория и история культуры, теория межкультурных коммуникаций, социология культуры, политология, *memory studies* и *nationalism studies*.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что ее материалы и выводы могут:

- использоваться при создании монографических работ по истории России, отечественной историографии, теории и методологии истории, теории и истории культуры, *memory studies* и *nationalism studies*;

- найти применение в учебном процессе в высшей школе при чтении лекций, проведении практических занятий по истории России, отечественной историографии, теории и истории культуры, теории и истории нации и национализма, при подготовке и написании дипломных и курсовых работ, квалификационных работ и магистерских диссертаций, учебников и учебных пособий;

- быть востребованы в практике российских государственных органов власти и институтов гражданского общества при разработке политических стратегий формирования российской национальной идентичности. Материалы диссертации представляют интерес для всех тех, кто по роду своей деятельности и в силу профессиональных интересов связан с проблематикой «политики памяти» («исторической политики»).

Апробация работы была осуществлена в ходе участия в следующих научных конференциях:

Структура работы. Поставленные в диссертации цели и задачи определили её структуру. Работа состоит из Введения, четырёх глав и Заключения. В конце работы приводится список источников литературы на русском, английском, бельгийском и польском языках.

II. Основное содержание работы

Во «Введении» автор обосновывает выбор темы диссертационного исследования. Характеризуется актуальность и степень изученности темы; формулируется предмет, цели и задачи исследования; уточняются его хронологические и тематические рамки; обосновывается привлечение основных типов источников и авторская концепция диссертации, а также выбранные методологические и методические основы работы. Определяются научная новизна, практическая и теоретическая значимость исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту, и отмечаются способы апробации полученных результатов.

Глава 1. Травматическое событие и историографический нарратив в контексте «мемориальной парадигмы» культурологического знания» посвящена анализу «мемориальной парадигмы» в исторической культурологии. В главе рассматривается понятие коллективной травмы как «места» культурной памяти, а также специфика мемориализации травматических событий в историографии понимаемой как носитель культурной памяти.

В первом параграфе **«Мемориальная парадигма» в науках о культуре: становление, современное состояние, эвристические возможности»** проанализирована новая парадигма социально-гуманитарных исследований, связанная с понятиями «память», «воспоминание», «забвение» в их социально-культурном измерении. Прослежены трансформации представлений о памяти в философии, психологии, исторической науке, социологии и других социально-гуманитарных дисциплинах. Показан процесс формирования представлений о памяти как о социально-культурном явлении. Рассмотрены современные концепции культурной (социальной памяти) в рамках исторической культурологии. Сделан вывод о том, что понятие «мест памяти» как «точки кристаллизации коллективного воображения» (П.Нора), а также концепция «культурной памяти» как социально организованного повседневно-воспоминания, формирующего

общее поле значений и смыслов, объединяющих людей в данной общности (Я.Ассман), являются наиболее релевантным инструментарием для анализа трансформаций представлений о русско-японской войне в российской историографии.

Второй параграф «Травма как «место памяти» посвящен анализу понятия травмы, рассмотренной как воспоминание, ставящее под сомнение и разрушающее коллективную идентичность. В параграфе проанализированы основные подходы к пониманию культурной травмы. Основное внимание уделено психоаналитической перспективе анализа понятие травмы, рассматривающего ее в оппозиции к понятию нарциссического триумфа, а также социокультурному подходу, акцентирующему внимание на том, что то или иное событие становится травматическим только в рамках соответствующей культурной интерпретации. Среди психоаналитических интерпретаций основное внимание уделено концепции Б.Гизена. Особую роль в коллективной идентификации он отводит в связи с этим архетипическим образам "героя-победителя" и "трагического героя". Тот и другой - сакральные фигуры-исполнители высшего мессианского предназначения. Герою-победителю удаётся это предназначение исполнить и преобразовать мир в соответствии с задачами своей миссии. Трагический герой мужественно старается жить в соответствии со своим священным призванием, но не может осуществить своего предназначения в слишком несовершенном окружающем его мире. Трагический герой при любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах, сохраняет свою суверенную сакральность и мессианское предназначение.

С точки зрения социокультурного подхода к феномену травмы (Дж.Александр, П.Штомка, Н.Смелсер), культурная травма возникает в результате «решения» социальных авторов воспринять определённые события как наносящие непоправимый урон их самоидентификации, ощущению своего места в мире и в исторической перспективе. Эта интерпретация совершается определёнными заинтересованными и

обладающими соответствующими интеллектуальными, материальными и организационными ресурсами группами, а затем уже передаётся широким слоям общества.

Именно историография русско-японской войны рассмотрена в диссертации как пространство принятия социального решения о придании данному событию статуса национальной травмы и борьбы по поводу придания\непридания России статуса «трагического героя», «побежденного победителя». Именно эти процессы составляли суть той политики памяти, которая разворачивалась в историографии русско-японской войны и которая стала предметом нашего дальнейшего анализа.

В третьем параграфе **«Историография как форма культурной памяти и мемориализация травмы»** историография рассматривается как форма культурной памяти общества и осуществляется анализ способов мемориализации в ее рамках травматических воспоминаний. В основе исследования лежит положение М.Хальбвакса о том, что образ прошлого социально конструируется и зависит от места, времени и социально-культурного контекста возникновения. Проанализирована дискуссия сторонников их строгого позитивистского разграничения и представителей постмодернистского подхода, выступающих за полное отождествление историографии и культурной (социальной) памяти. Как наиболее эвристичная для целей настоящего исследования принята позиция известного польского социолога Б.Шацкой, которая подчёркивает, что с социологической точки зрения, память и история – разные виды знания о прошлом, которые, тем не менее нельзя строго разделить друг от друга и следует рассматривать скорее как идеальные типы, в разной степени присутствующие в любом нарративе о прошлом.

В параграфе также рассмотрены общие принципы структурирования серии разрозненных событий в нарративы памяти. С опорой на когнитивную социологию памяти Э.Зерубавеля выделена логическая последовательность этого процесса. Подчеркивается, что принципиальное значение имеет выбор

временной перспективы, в которую помещается событие. Изменение степени отдалённости исторического прошлого, с которым оно связано, может трансформировать его смысл. Принципиально значимо и то, с какими событиями оно поставлено во взаимосвязь, а также - какой тип взаимосвязи при этом избран.

Сделан вывод о том, что настоящее исследование принадлежит к формирующемуся сегодня новому направлению историко-культурологического анализа историографии - "истории истории", рассматривающему трансформации, которые совершались в исторической литературе как носительнице культурной памяти сообщества с тем или иным историческим событием или лицом.

В главе сделан вывод о том, что имеются все теоретико-методологические основания для понимания русско-японской войны в качестве «места памяти» или «образа-воспоминания» российского общества. Данный образ следует признать травматическим, нарушающим целостность национально-культурной идентичности. Основные положения социологии памяти М.Хальбвакса, теории культурной памяти Я.Ассмана и когнитивной социологии Э.Зерубавеля позволяют провести анализ историографических нарративов о русско-японской войне с целью выявления стратегий детравматизации данного события.

В Главе II **«Русско-японская война в досоветской историографии: трагический героизм или суд истории?»** на основе подхода к структурированию культурной памяти, предложенного Я.Ассманом, память о войне трактуется как «горячая», рассматривающая события в динамическом аспекте, стремящаяся выяснить причины войны, ее ход, истоки неудач и итоги. Одновременно в массиве исторической, историософской и политико-публицистической литературы выделены два указанных Я.Ассманом типа «горячей» культурной памяти – «контрапрезентная (контрафактическая)» и «обосновывающая».

Таким образом первый параграф **«Причины войны и объяснения военных неудач в дореволюционной историографии: контрапрезентная версия»** раскрывает «контрапрезентную» стратегию мемориализации русско-японской войны. Здесь мы имеем дело с тенденцией представить начало войны результатом агрессивности Японии и внешних происков западных держав, а причины неудач искать в сферах, не относящихся непосредственно к области военно-политического руководства страной (заговор революционеров, происки иностранных разведок и т.п.). В этой версии мемориального нарратива великая армия великой страны была предана и стала жертвой коварства внутренних и внешних сил. Россия выступала, таким образом, в ипостаси «трагического героя» (по терминологии Б.Гизена).

Второй параграф **«Причины войны и объяснения военных неудач в дореволюционной историографии: обосновывающая версия»** посвящен изучению той тенденции в историографии войны на Дальнем Востоке, которая стремилась представить начало конфликта следствием неумолимой логики геополитических процессов. Это делало Россию как минимум равно ответственной за ее начало. Неудачный же ход боевых действий связывался с системными пороками российского государства в лице его правительства и высшего военного командования. Здесь диапазон оценок мог колебаться от обвинений в адрес недоработок конкретных чиновников и военных администраторов до радикальной критики государственного строя как такового.

В главе III **«Мемориализация русско-японской войны 1904-1905 гг. в историографии советского времени: игры «своего» и «чужого»** отмечается, что становление советского режима и новой идеологии радикально изменило контекст формирования историографической памяти о событиях русско-японской войны. Революция провозгласила радикальный разрыв с прошлым, со старой царской Россией, и начало строительства нового мира. В этом проекте первых послереволюционных лет, Россия и её

история не имели самостоятельной ценности, а должны были лишь послужить «стартовой площадкой» для мировой революции. Соответственно, была сделана ставка на формирование новой идентичности «нового человека», ориентированной на ценности коммунистической идеологии и, таким образом, не связывающей себя с «проклятым прошлым». Наиболее ярким воплощением этой концепции в историографии стала т.н. «школа Покровского» с характерным для неё нигилистическим отношением к российской истории и культуре. Система историографических оценок сменила полюса: победы и триумфы Российского государства превратились в негативные события укреплявшие самодержавную власть, а поражения – в катализаторы будущей революции, ослаблявшие и раскачивающие ненавистный режим.

Однако, на основе этого проекта оказалось невозможным осуществить задачу государственного строительства, мобилизации населения на реализацию крупных социально-экономических проектов, сплочение населения бывшей империи в новую общность людей. Начиная с середины 1930-х годов, советский патриотизм начали воспитывать на основе определённым образом препарированного и переинтерпретированного нарратива российской истории, отказавшись от свойственного первым послереволюционным годам огульного отрицания прошлого.

Эта двойственная позиция одновременного принятия и неприятия российской истории вызвала существенные противоречия и породила напряжённость внутри историографического дискурса. Приходилось, с большим трудом, совмещать идеологическую позицию, требующую отрицания с классовых позиций ценности для народа достижений и побед самодержавного строя, сохраняя при этом ценность российской государственности как основы для возникновения в будущем первой страны социализма.

Таким образом, в данной главе рассмотрено то, как основные события русско-японской войны выглядели, будучи помещёнными в данный

мемориальный континуум. Основной целью было при этом оценить степень преобладания «ленинской» или «патриотической» модели восприятия изучаемых событий.

В первом параграфе **«Причины и начало войны»** показано, что советская историография этой проблемы пришла в итоге к сочетанию критики царизма с прославлением «простых» солдат и матросов. Эта позиция оказалась где-то между эмигрантским героическим образом империи и рассказами «школы Покровского» о царе как о «первом миллиардере вселенной», который хотел при помощи войны приумножить свои капиталы. При этом весьма показательным является появление в советском дискурсе местоимения «наша» применительно к царской России.

Во втором параграфе **«Оборона Порт Артура»** также показано то, как советская литература совмещала элементы «школы Покровского», для которой падение Порт-Артура – закономерный итог бездарной деятельности «прогнившего режима» - и прославления героической обороны крепости эмигрантской историографией. При общей заданности политической оценки, «патриотические моменты» в советской литературе находят выражение в глорификации героизма «простых солдат» и мужества отдельных военачальников.

В третьем параграфе **«Сражения на море»** выявлена и проанализирована своеобразная «игра памяти и забвения», разыгравшаяся между тремя «образами-воспоминаниями», связанными с сюжетами русско-японской войны на море. Это – «Варяг», «Цусима» и «Макаров».

Для «школы Покровского» основным местом памяти была «Цусима» как символ разложения царского режима. В патриотической эмигрантской историографии, напротив, Цусима вытеснена в область «забвения» как слишком травматическое воспоминание. Советская историография, сохранив общие идеологические оценки, в тоже время всячески героизировала подвиг «Варяга» и образ адмирала Макарова.

В параграфе четвертом **«Причины поражения и итоги войны»** показано, что «школа Покровского» видела главными причинами поражения слабость режима, а главным итогом войны – приближение революции. Эмигрантская историография в целом разделяла эти позиции, хотя и с противоположными знаками. Война была проиграна в результате «удара в спину» внутренним врагом, хотя армия была сильна и готова продолжить войну, что позволило России остаться великой державой. Советской историографии чаще всего приходилось балансировать между этими позициями, одобряя разгром царизма, приблизивший революцию, одновременно осуждая царизм за его слабость и неспособность обезопасить дальневосточную границу России.

В заключении главы сделан вывод о том, что, если представить ситуацию с трактовкой русско-японской войны в советской историографии в духе концепции «идеальных» типов Макса Вебера, то речь должна идти о формировании континуума экстремумы, который образовывали две позиции. На одном полюсе стояла «подлинно большевистско-ленинская» концепция М.Н. Покровского, для которого это была чужая война чужой страны, в которой чужой враждебный режим потерпел закономерное и желанное поражение. На другом полюсе находилась эмигрантская историография, которая продолжала традиции дореволюционной русской исторической науки и сохраняла преемственность российской идентичности и патриотические позиции. Основная же масса работ советского периода искала баланс между этими двумя противоречивыми позициями, более или менее органично сочетая в себе элементы обеих. Авторам приходилось искать среднюю линию между описанием закономерного поражения «прогнившего самодержавия», приблизившего революцию и поражением нашей Родины.

Описываемая ситуация является отражением общей закономерности построения нарратива памяти. Фундаментальный вопрос, который каждый

раз приходится решать при этом, это определение границ «своего» и «чужого», «нашего» и «ненашего» прошлого.

Глава IV «Современная историография русско-японской войны: расхождение нарративов и мозаичность объектов» посвящена анализу нового этапа историографической мемориализации русско-японской войны, начавшегося с 1990-х годов. С этого времени на формы и способы данного процесса начали оказывать воздействие общемировые тенденции трансформаций в сфере культурной (социальной) памяти. Крушение социалистической системы, конец эпохи «великих идеологий», глобализация и мультикультурализм создали новую ситуацию в области политики памяти в мировом масштабе.

Предшествующий период характеризовался доминированием национальных и идеологических нарративов, которые организовывали культурную память. Пересечение взаимодействия идеологических и национальных идентичностей (при всей их противоречивости) задавало определённую систему координат для историографической репрезентации тех или иных событий.

Отказ от глобальных идеологий и кризис национальной формы коллективной идентичности вызвал к жизни новые явления в мемориальной сфере. К важнейшим из них следует отнести плюрализацию коллективной памяти и её глобализацию. Начали возникать многочисленные локальные версии одних и тех же событий, появление которых было продиктовано стремлением различных групп утвердить свою особую идентичность. Подобные тенденции оказались характерны и для историографии русско-японской войны последних двух десятилетий.

В первом параграфе **«Просоветский нарратив: трансформации «школы Покровского»** показано, что трактовка событий, господствовавшая в советской историографии, и по сей день остается ведущей в исторической литературе. Все современные российские авторы практически единодушно признают, что эта война была несправедливой, захватнической с обеих

сторон, правительства и России, и Японии в целях создания благоприятных условий для развития экономик своих стран начали активную политику в этом регионе. Именно экономические интересы, по мнению большинства рассматриваемых авторов, толкали и Россию, и Японию на агрессивные внешнеполитические авантюры.

Второй параграф **«Имперский нарратив: «возвращение из эмиграции»** посвящен изучению традиций историографии русского зарубежья в современности. Рассуждения о том, что Россия была разгромлена в дальневосточной войне, большинство авторов этого направления однозначно отвергнуты. По их мнению, "был разгромлен русский флот на Тихом океане, японцы получили почти полное господство на море. Однако русская сухопутная армия в Маньчжурии оставалась мощной и боеспособной. Был подписан мирный договор между двумя равноправными сторонами, а не позорная капитуляция с неизбежной военной контрибуцией. Потеря южной части Сахалина выглядела скорее символической уступкой, чем платой за военное поражение.

В третьем параграфе **«Расколотый нарратив: узкоспециализированные исторические труды о русско-японской войне»** показано, что одной из наиболее характерных черт современного этапа развития российской историографии является жанровое и тематическое многообразие.

Применительно к историографии русско-японской войны современного периода, было выявлено абсолютное преобладание работ, которые вообще стараются уйти от необходимости создать общую картину событий, фокусируя своё внимание на отдельных эпизодах и сюжетах (сражения, история кораблей, наград и т.п.). Особенно популярной стала «история в портретах», когда исторические события и процессы исследуются через призму взглядов и деятельности Николая II, С. Ю. Витте, генералов А. Н. Куропаткина и Р. И. Кондратенко, адмиралов С. О. Макарова и З. П. Рожественского и т.д.

Одновременно появилась тенденция вписывания войны в глобальный контекст и рассмотрения её сквозь призму геополитических тенденций XX века, в то время как в предшествующий период события русско-японской войны 1904-1905 гг. вписывались исключительно в контекст советской (или партийной) истории.

В заключение главы делается вывод о том, что в современной исторической литературе отчётливо прослеживается тенденция создания совершенно разных и нестыкующихся между собой повествований. Одни из них создавались с партийных позиций, другие отражали национальные пристрастия, для третьих был характерен интерес к отдельным событиям, деталям и фактам. И если раньше требовалось, иногда путём значительных усилий и даже насилия над материалом, согласовывать между собой эти подходы, создавая хотя бы иллюзию целостности, то теперь различные мемориальные нарративы отчётливо разделились и начали параллельное существование.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и кратко излагаются основные выводы, к которым пришел в его рамках диссертант.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Урбанович В.М. Исследование причин падения Порт-Артура в историографии Российской Империи. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». - № 2 (34). – 2006. – М.: Издательство МГОУ. С. 281-284. (0,5 п.л.)
2. Урбанович В.М. Формы мемориализации русско-японской войны в досоветской историографии. // Вопросы культурологии. - № 8 / 2011. – М., 2011. С. 34-38. (0,5 п.л.)

3. Урбанович В.М. Формы мемориализации русско-японской войны в советской историографии. // Вопросы культурологии. - № 10 / 2011. – М., 2011. С. 34-39. (0,5 п.л.)

В других изданиях:

4. Урбанович В.М. Исследование Цусимской катастрофы в дореволюционной историографии. // Россия и мировая цивилизация: историко-культурологический аспект. Материалы межвузовской научной конференции. – Люберцы: НОУ «Гуманитарно-социальный институт», 2005. С. 42 - 48. (0,3 п.л.)
5. Урбанович В.М. Исследование Цусимской катастрофы в дореволюционной историографии. // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Сборник научных трудов. Вып. 5. М.: Московский Государственный Областной Университет. 2006. С. 183-195. (0,3 п.л.)

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, overlapping letters and a long horizontal stroke extending to the right.

Подп. к печ. 27.01.2012 Объем 1,75 п.л. Зак. № 32 Тир. 100 экз.
Типография МПГУ